

Обзорная статья

УДК 82.09

DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-95-102

МОСКОВСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ РУБЕЖА ВЕКОВ

© Савина Яна Олеговна

лаборант-исследователь,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

savvinay@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается проблема изучения московского и петербургского текстов в российском литературоведении рубежа XX–XXI вв. При актуализации рецептивного методологического подхода делается попытка проследить изменения в репрезентации пространства Москвы и Петербурга в научном дискурсе указанного периода. В центре внимания находятся структурно-семиотические работы В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц и других, вошедшие в сборник «Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам» (1984). Именно перечисленные работы заложили традицию восприятия Петербурга как кодового пространства, порождающего особые культурные смыслы. Отмечается, что Москва в данном аспекте долгое время бытует на периферии данной теории, существуя исключительно в контексте петербургского текста, и приходит в литературоведческую науку как текст только спустя десятилетие, о чем говорит издание сборника «Москва и “московский текст” русской культуры» (1998). Подчеркивается, что в современных литературоведческих работах, опирающихся на данные теории, оба текста имеют собственные историко-культурные ресурсы для существования, отдельно утверждается национальная значимость каждого из них. На основании этого делается вывод об относительной самостоятельности и большом исследовательском потенциале рассматриваемых текстов.

Ключевые слова: московский текст, петербургский текст, Москва, Петербург, локальный текст русской культуры, семиотика, столичный миф, национальная идентичность, рецептивный подход, литературоведение.

Для цитирования

Савина Я. О. Московский и петербургский тексты русской культуры в российском литературоведении рубежа веков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 95–102.

Введение

Одним из актуальных направлений современного литературоведения является изучение локальных текстов русской культуры. Развивающаяся в рамках структурно-семиотического подхода идея локальных текстов культуры сформировалась сравнительно недавно, но уже обрела достаточную известность.

В теоретическом плане первое упоминание понятия «локальный текст» относится к монографии В. В. Абашева «Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века» (2000), в которой сквозь призму семиотики на примере конкретных художественных текстов (Б. Пастернака, В. Каменского, А. Решетова и др.) показан историко-культурный потенциал Перми. К концу 20-х гг. XXI в. количество изучаемых локальных текстов увеличилось в разы. Так, в работе «Локальные тексты русской литературы и культуры» (2019) к числу локальных текстов стали причислять столичный (петербургский и московский), сибирский, кавказский тексты русской культуры. Более мелкие, дробные единицы так же, как и пермский текст культуры, могут быть связаны с городами и регионами: крымский (А. А. Люсый), калининградский (Л. М. Гаврилина) и другие локальные тексты. В любом случае изучение локального текста культуры позволяет целостно рассмотреть некую социально-пространственную общность в ее важных ментальных, культурных, исторических и даже характерологических особенностях.

Из всех локальных текстов наиболее разработанными и представляющими особую важность для отечественного осмысления русской культуры являются столичные тексты — петербургский и московский тексты русской культуры, которые рассматривались как семиотические системы еще до введения в научный оборот понятия «локальный текст».

Особый интерес к данным текстам обусловлен высокой национальной значимостью текстообразующих городов: обе столицы, и старая, и новая, — средоточие мифологического, исторического, социокультурного опыта русского народа, что, к слову, является неперенным условием существования не только локального текста, но и сверхтекста русской культуры.

Целью статьи является анализ рецепции петербургского и московского текстов русской культуры в российском литературоведении рубежа веков в 80-е гг. XX — 20-е гг. XXI в. Вытекающие из этого задачи связаны с описанием исследователями петербургского текста русской культуры как наиболее разработанного направления, а также с описанием московского текста в его сущностных особенностях. Рецептивный методологический подход позволит увидеть особенности осмысления в отечественном литературоведении культурных особенностей определенных локальных пространств, а также динамику развития смыслов в избранном направлении.

Петербургский текст русской культуры

Понятие «петербургский текст» в современном его значении стало формироваться в исследованиях тартуско-московской семиотической школы в 80-е гг. XX в. Текст здесь рассматривался как «система знаков — вербальных и невербальных» [10, с. 105], что провозглашало текстом любую знаковую систему, в том числе и город. Наиболее подходящим с этой точки зрения оказался Петербург, в котором «символическое бытие предшествовало материальному» [3].

Это не было исключительно новой идеей: подобные мысли были зафиксированы в начале XX в. у Е. П. Иванова в работе «Всадник. Нечто о Петербурге»

(1907) и Н. П. Анциферова, который более подробно развил мысль о душе Петербурга в русской литературе в работах «Петербург в поэзии Блока» (1921), «Петербург Достоевского» (1921) «Душа Петербурга» (1922), «Быль и миф Петербурга» (1924) и других.

Особенно интересна работа «Душа Петербурга», в которой показана динамика развития петербургской темы от Сумарокова до Маяковского, выведены мотив борьбы (А. Пушкин), мотив наводнения и гроба (В. Одоевский), мотив гибели и др. На основе этого создавались эсхатологические образы Петербурга: призрачный город (Н. В. Гоголь), затонувший город (М. Дмитриев), кошмарное чудище (В. Маяковский). Все это разрабатывается в научном дискурсе по сей день.

В 1984 г. вышел отдельный сборник трудов по знаковым системам «Семиотика города и городской культуры», собравший основные находки в области изучения Петербурга того времени. В современном литературоведении наиболее часто цитируются две из них.

Во-первых, это фундаментальная работа В. Н. Топорова «Петербург и петербургский текст русской литературы» (1984), в которой было теоретически обосновано понятие «петербургский текст», введенное в статье «Сны Блока и “петербургский текст” начала XX века» (1975). Понимание же Петербурга как «сверхнасыщенной реальности» было уже частично изложено в статье «Поэтика Достоевского и архаичные системы мифологического мышления» (1973). Здесь Петербург позиционировался как условие для «дискретизации романного пространства» [12, с. 95] и как особый условный мир существования героев романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Во-вторых, это статья «Символика Петербурга и основы семиотики города» (1984) Ю. М. Лотмана. В ней утверждается значимость петербургского мифа, который как будто «восполнял семиотическую пустоту» [4, с. 36], что было обусловлено отсутствием у Петербурга полноценной истории. Причем, по его мнению, это явление сделали фактом национальной культуры писатели XIX в. — от Пушкина и Гоголя до Достоевского. Интересны источники их «петербургской мифологии» — зачастую это тексты «устной литературы» 1820–1830-х гг., которые заставляли воспринимать Петербург «как пространство, в котором таинственное и фантастическое является закономерным» [4, с. 39].

К слову, современные литературоведы продолжают данную исследовательскую линию, говоря о «фантазмагоричности гоголевского Петербурга» [1, с. 70], что позиционируется как «лишение мира нормальности» [1, с. 70], «разлад мечты и действительности» [1, с. 70].

Дополнительные сведения о мифопоэтике Петербурга и Москвы можно найти в статье Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Отзвуки концепции “Москва — Третий Рим” в идеологии Петра Первого» (1982), в которой говорится об идее «Петербург — третий Рим» [5], тогда как Москва становится преемницей Иерусалима.

Интерес к мифу, таинственности и фантастичности Петербурга с новой силой раскроется в эпоху модернизма, поэтому вполне объясним частный интерес к русскому символизму в работах, перечисленных нами в начале. Считалось, что «именно символизм и превратил... достаточно пестрое наследие XIX века в “петербургский текст”» [7, с. 88]. Можно сказать, что русская литературная традиция изображения Петербурга в XIX в. в новом столетии подвергалась вторичному кодированию, или перекодированию. Город стал порождать новые тексты, а это для семиотического понимания петербургского текста было самым важным условием.

В последующие годы интерес к проблеме Петербурга в литературе только нарастал, но не всегда связывался с понятием «петербургский текст». Конечно же, продолжает существовать частотный подход в восприятии городов как темы или образа. Так, в книге Г. П. Макогоненко «Гоголь и Пушкин» (1985) есть глава «Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя» [6, с. 102].

Таким образом, в современном литературоведении закрепились концепция В. Н. Топорова с опорой на традиции Н. П. Анциферова. Исследователи активно расширяют мотивное и концептуальное поле петербургского текста, отбирают новые художественные материалы для анализа. В приоритете остается петербургский текст Пушкина, Гоголя, Достоевского, представителей модернистского направления; акцентируется внимание на значении петербургского текста в произведениях постмодернизма¹.

В целом петербургский текст русской культуры воспринимается как «корпус текстов, прежде всего, литературных, в которых описывается восприятие символического пространства, порожденного петербургской архитектурной средой XVIII–XIX вв., а также осмысливается судьба русского человека и самой России в созданной Петром I империи» [2, с. 83]. Такая трактовка придает петербургскому тексту сверхзначимость в современном литературоведении в общем и теории локальных текстов в частности. Чтобы определить, так ли это на самом деле, рассмотрим наиболее близкий к нему локальный текст — московский текст русской культуры.

Московский текст русской культуры

Принято считать, что понятие «московский текст» возникло в работе культуролога А. П. Люсого «Московский текст: текстологическая концепция русской культуры» (2013) как ответ на концепцию В. Н. Топорова, бросившего «методологический вызов России» [8], но это скорее формальный уровень вопроса.

Содержательно интерес к пространству Москвы уже возникал на периферии петербургского текста, который ему концептуально противопоставлялся. В 80-е гг. стали говорить о двойственном бытии Петербурга в литературе начала XX в., постоянно требующем оппозицию, что определило во многом избрание «членом

---

¹Одни из последних крупных работ — «Петербургский текст Гоголя» (2022) В. Денисова и «Петербургский текст русской литературы (вторая половина XX века)» (2023) О. В. Богдановой.

сравнения» Москвы — давней соперницы Петербурга. Так актуализировались оппозиции «свое/чужое», «естественное/искусственное».

Эта роль была отведена Москве в силу как будто отсутствия в ней текстопорождающего механизма, другими словами — мифа. Здесь, если рассуждать по Лотману, не нужно было заполнять пустоты семиотического пространства: у города была своя история. Однако в 90-е гг. начался процесс размежевания двух текстов и поиска московского мифа.

По аналогии с тартуским сборником был выпущен сборник научных статей «Москва и “московский текст” русской литературы» [14], куда вошли работы М. П. Одесского, Ю. В. Манна, Б. В. Межуева, Г. С. Кнабе, И. С. Веселовой и др.

Особенно интересна статья М. П. Одесского «Москва — град святого Петра. Столичный миф в русской литературе XIV–XVII вв.», в которой дается принципиально новая оценка столичному мифу — ядру семиотической концепции локального сверткста. М. Одесский исследует древнерусские тексты, пытаясь проследить традицию изображения Москвы и в литературе XVII–XIX вв., трансформацию мифа Москвы и возникновение новых мифов в связи с историческими событиями той или иной эпохи.

Стоит сказать, что с XVIII в. до первой половины XIX в. возникают новые мифы: «университетский», «фамусовский», «1812 года» и другие, но они не были приняты и подробно разработаны литературоведами.

Как мы видим, у Москвы был миф, и он намечен в работах семиотической школы («Москва — Иерусалим» у Лотмана [5]; признает наличие мифа в одной из своих статей Гаспаров [15], но не раскрывает его) и в сборнике статей «Москва и “московский текст” русской литературы».

В полной мере потенциал московского текста на основании этих теорий был реализован только в XXI в., что отразилось в статьях М. Б. Плюхановой. Исследователь говорит о том, что основателем московского, как и петербургского текста стоит считать Пушкина: «Биполярность русской культуры он вполне чувствовал и сам же содействовал ее развитию» [9, с. 178].

Следует отдельно отметить исследовательский вклад О. С. Шуруповой, посвятившей данной проблеме большое количество статей, в том числе «Московский текст русской литературы и его герои» (2011), в которой утверждается женское начало Москвы, что добавляет московскому тексту новый концептуальный компонент. Автором написана диссертация «Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы» (2013), в которой были описаны основные концепты, типы героев и содержание московского и петербургского текстов. Это и «город-мать» («Слово мать и его производные (мама, матушка) являются ключевыми словами «московского текста» [13, с. 100]), и благодатный «город-дева». Последний образ впервые был дан в статье В. Н. Топорова «Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы» (1987), а несколько позднее переложен и на Москву в книге «Петербургский текст русской культуры» (2003). При этом «городом-блудницей» [11, с. 21] был назван Петербург.

Полезно, что исследователь вводит смысловые доминанты московского текста, которые могут быть оформлены в концепты «дом», «праздник» и другие.

Вместе с тем материалами для исследований московского текста служат произведения разных писателей: А. С. Пушкина, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, А. А. Куприна, И. С. Шмелева, А. Белого, М. А. Булгакова, В. С. Маканина и др. Наметилась тенденция в исследовании московского, а также петербургского текстов — выход за пределы художественных произведений. Появляются статьи, в которых рассматриваются разные жанры публицистики, эпистолярный. Возникают работы, сравнивающие петербургский и московский тексты как друг с другом, так и с другими локальными текстами.

Такой широкий круг работ и концепций исследователей говорит об интересе к проблеме московского текста, который имеет для русской литературы равную с петербургским текстом значимость.

Заключение

Петербургский и московский тексты русской культуры, несмотря на тесные связи в истории и в литературоведении, имеют статус относительно самостоятельных дефиниций. Как показывают исследования, невозможно говорить о превалировании одного текста над другим — у обоих текстов есть историко-культурные ресурсы для существования и развития. Однако вопрос, какой текст или, возможно, синтез текстов является более точным и полным выразителем русского национальной культуры, во многом остается открытым.

Литература

1. Башкеева В. В. Тело как предмет в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 4. С. 66–72. Текст: непосредственный.
2. Клюкина Л. А. Понятие «Петербургский текст» в контексте структурно-семиотического подхода // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–3(50). С. 83–87. Текст: непосредственный.
3. Лотман Ю. М. От редакции // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Изд-во Тартуск. гос. ун-та, 1984. С. 3. Текст: непосредственный.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Изд-во Тартуск. гос. ун-та, 1984. С. 3. Текст: непосредственный.
5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. Москва, 1982. С. 236–249. Текст: непосредственный.
6. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Ленинград: Советский писатель, 1985. С. 102–134. Текст: непосредственный.
7. Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 78–92. Текст: непосредственный.

8. Нилогов А. С. А. П. Люсий. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 398–401. Текст: непосредственный.
9. Плюханова М. Б. Сказки Пушкина и московский текст // Лотмановский сборник. Москва: ОГИ, 2004. Т. 3. С. 177–187. Текст: непосредственный.
10. Садченко В. Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник ЧелГУ. 2009. № 5. С. 104–111. Текст: непосредственный.
11. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. Москва: Наука, 1987. С. 121–132. Текст: непосредственный.
12. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные системы мифологического мышления // Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей. Саранск, 1973. С. 91–109. Текст: непосредственный.
13. Шурупова О. С. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97–102. Текст: непосредственный.
14. Москва и «московский текст» русской культуры: сборник статей / ответственный редактор Г. С. Кнабе. Москва: Изд-во РГГУ, 1998. 228 с. Текст: непосредственный.
15. Гаспаров М. Л. Петербургский цикл Бенедикта Лившица: поэтика загадки // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 93–106. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 29.08.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

MOSCOW AND PETERSBURG TEXTS IN RUSSIAN LITERARY STUDIES AT THE TURN OF THE CENTURIES

Yana O. Savina
Laboratory Researcher,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
savvinay@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of studying Moscow and Petersburg texts in Russian literary criticism at the turn of the 21st century. By foregrounding the receptive methodological approach, we make an attempt to trace the changes in the representation of Moscow's and St. Petersburg's space in the scientific discourse of that period. The study focuses on the structural semiotic works by V. N. Toporov, Yu. M. Lotman, Z. G. Mintz and others, included in the collection "Semiotics of the City and Urban Culture. St. Petersburg. Works on Sign Systems" (1984). It was these works that laid the tradition of perceiving St. Petersburg as a code space that generates special cultural meanings. It is noted that Moscow had been long existed on the periphery of this theory, existing exclusively in the context of Petersburg text, and came to literary criticism as a text only a decade later, as evidenced by the publication of the collection "Moscow and the "Moscow Text" of Russian Culture" (1998). It is emphasized that in modern literary studies based on these theories both texts have their own historical and cultural resources for existence, and the national significance of each of them is separately asserted. Based on this we have come to the conclusion about the relative independence and great research potential of the texts under consideration.

Keywords: Moscow text, Petersburg text, Moscow, St. Petersburg, local text of Russian culture, semiotics, metropolitan myth, national identity, receptive approach, literary criticism.

For citation

Savina Ya. O. Moscow and Petersburg Texts in Russian Literary Studies at the Turn of the Centuries. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2024; 3: 95–102 (In Russ).

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.